

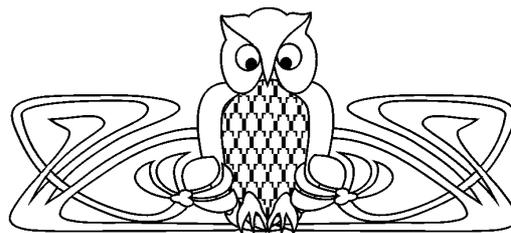

УДК 111

МУЖЕСТВО БЫТЬ СМЕРТНЫМ

Е.С. Севрюкова

Саратовский государственный университет,
кафедра религиоведения и философской антропологии
E-mail: sevr_e@mail.ru

В XX в. в философии осмысляются такие феномены бытия человека, как отчаяние, тревога, страх. Страх смерти всегда присущ жизни человека, и человек ищет способы борьбы с ним. Но философы приходят к выводу, что именно страх смерти толкает человека к созданию культуры и осмыслению собственного бытия.

Courage to be Mortal

E.S. Sevryukova

In the XX century in philosophy such phenomena of human being, as despair, an alarm, and a fear are interpreted. A fear of death always inheres in a life of a man, and a man looks for ways to struggle with it. But philosophers conclude that just the fear of death incites a man to the creation of culture and comprehension of his own being.

Начало XX в. характеризуется кризисом модернистского общества, который заявил о себе чередой локальных и мировых войн, серией революций, прокатившихся по всему миру и последовавших за ними гражданских войн, совокупностью возрастающих по разрушительности экономических и финансовых кризисов, включая «великую депрессию» и, наконец, грозными глобальными кризисами, к которым привела техногенная цивилизация. Характерными чертами современной эпохи являются успехи науки и техники, «машинный» дух времени. Человек занят изучением и овладением предметного мира, для него не осталось ничего «тайного», «святого», «духовного», а есть только непознанное. Следствие этого – всеобщая бездуховность мира, налицо утрата современным миром этических ценностей и духовности. Современный человек гордится достижениями науки и властью над природой. Однако как ни велики успехи науки, они не могут дать человеку устойчивости и спокойствия в этом мире. Жизнь абсурдна, человек заброшен в этот мир и находится в отчаянии. Абсурдность жизни нельзя понять логическими средствами. По мысли М. Хайдеггера, не мир нужно рационализировать, чтобы воссоединить его с человеком, а человеку нужно вернуть его экзистенцию, чтобы воссоединить его с миром. Модернизм привел к глубокому кризису поиска человеком оснований собственного существования, к потере понимания человеком смысла своего бытия.

Страх и отчаяние становятся основными характеристиками человеческого существования. Ответом на эту ситуацию становится философия экзистенциализма, которая в своеобразной

форме отразила те социальные, экономические изменения, которые произошли в Европе после Первой мировой войны. Эпоха модернизма, проявляющаяся в техногенной экспансии, экономических кризисах, войнах, духовном нигилизме, определила пессимистический настрой экзистенциального философствования. Главную задачу своей философии экзистенциалисты усматривали в разьяснении истоков трагизма человеческого существования, в нахождении путей разрешения этого трагизма: «...экзистенциальной философией делаются попытки доказать ставшему совершеннолетнему миру, уверенному, довольному и счастливому человеку, что в действительности он несчастен и пребывает в отчаянии и просто не желает замечать этого»¹.

Из всего богатства эмоционального мира человека философы-экзистенциалисты акцентируют внимание только на отрицательных переживаниях, объявляя страх, чувство заброшенности и другие негативные эмоции обязательными и определяющими моментами, «экзистенциалами» человеческого существования.

«Человек XX века, – пишет П. Тиллих, – потерял смысл мира и себя. Человек был вовлечен в созданный им мир объектов и в нем потерял свою субъективность»². Человек в предметном мире перестает существовать как личность; он испытывает страх перед будущим и отчаяние в настоящем, которые становятся основными характеристиками его мирского существования.

Страх, отчаяние, тревога становятся центральными категориями в экзистенциализме, и П. Тиллих как экзистенциальный мыслитель разрабатывает онтологию тревоги, определяя ее одним из основных экзистенциалов человеческого бытия.

«Тревога, – пишет Тиллих, – это состояние, в котором бытие осознает возможность своего небытия»³. Тревога – это экзистенциальное осознание своей собственной конечности. Ее причина – не абстрактное понятие смерти вообще, а понимание смерти как своей собственной. Понимание неизбежности смерти ведет к пониманию того, что бытие всегда уже связано со смертью, с небытием.

Страх, в отличие от тревоги, имеет вполне определенный объект, его можно встретить, проанализировать, побороть. У тревоги же нет объекта, точнее «ее объект представляет собой отрицание любого объекта»⁴. Поэтому человек не

может анализировать объект тревоги как объект и таким путем с ним бороться. Единственным объектом является сама угроза, а не источник угрозы, так как источник угрозы – «ничто».

Тревога и страх взаимосвязаны. Человек всегда стремится превратить тревогу в страх, чтобы иметь возможность бороться с ней. Тревога невозможности сохранить собственное бытие лежит в основе всякого страха. И устранить тревогу перед небытием невозможно, эта тревога присуща самому существованию человека.

Тиллих выводит следующую структуру тревоги, которая проявляется в формах угрозы небытия существованию человека. «Небытие угрожает онтическому самоутверждению человека относительно – в виде судьбы, абсолютно – в виде смерти. Оно угрожает духовному самоутверждению человека относительно – в виде пустоты, абсолютно – в виде отсутствия смысла. Оно угрожает нравственному самоутверждению человека относительно – в виде вины, абсолютно – в виде осуждения»⁵. Соответственно возникают три типа тревоги: тревога судьбы и смерти, тревога пустоты и отсутствия смысла, тревога вины и осуждения. Тревога в этих трех формах экзистенциальна, так как присуща человеческому существованию как таковому.

Тревога угрожает духовному самоутверждению человека так же, как и его онтическому существованию. Духовное самоутверждение совершается, когда человек творчески живет в различных сферах смысла. Человек всегда так или иначе является творцом, всегда духовно самоутверждается. Существование сферы смыслов обусловлено интересом человека, его творческой деятельностью. Если в духовной жизни человека подобный опыт отсутствует, то ей угрожает небытие, которое, стремясь разрушить духовное самоутверждение человека, выступает в формах пустоты и отсутствия смысла.

«Тревога отсутствия смысла – это тревога, – пишет Тиллих, – по поводу утраты предельного интереса, утраты того смысла, что придает смысл всем смыслам»⁶. Эта тревога пробуждается при потере духовного центра, ответа о смысле существования.

Современная культура является оболочкой для пустоты, в ней отсутствует подлинно духовное содержание. Понимая это, человек осознает и потерю собственных ориентиров существования. Но намеренно создать содержание духовной сферы невозможно. Любая попытка подобного рода обречена на неудачу и влечет за собой еще большую тревогу. «Тревога пустоты влечет нас в пучину отсутствия смысла»⁷.

Духовная ситуация пустоты сначала вызывает сомнение в своей подлинности, которое затем перерастает в экзистенциальное отчаяние полной утраты смысла существования человека. На все вопросы о смысле человек получает лишь пустоту, и поэтому он бежит от самой возмож-

ности вопрошать и сомневаться, попадая в мир, в котором спрашивать более невозможно, так как в нем уже заготовлен один ответ для всех. Человек отрекается от самого себя с целью избежать поиска смысла существования и вновь найти пустоту, бежит от свободы, чтобы убежать от тревоги отсутствия смысла. Он более не одинок, он «как все», прячется в толпе. Так человек бежит от отчаяния и тревоги, намеренно создавая неподлинный смысл существования «в толпе».

Небытие подрывает также и нравственное самоутверждение человека. «Бытие человека, – пишет Тиллих, – как онтическое, так и духовное – не просто дано ему, но и предъявлено ему как требование»⁸. Человек всегда несет ответственность за свое бытие, за реализацию своих возможностей, за то, кем он стал. И ответ этот он должен дать самому себе. Это порождает тревогу вины и осуждения.

Человек обладает свободой создавать самого себя, он должен актуализировать то, чем он является потенциально, исполнить свое предназначение. И всяким актом самоутверждения человек способствует исполнению своего предназначения. Но в результате свободы выбора человек может и отказаться от подлинной реализации себя. Собственно так и происходит в условиях отчуждения человека от самого себя. Небытие присутствует даже в лучших, как считает человек, его поступках, уводя его от совершенства. Человек испытывает вину за собственную неспособность исполнения своего предназначения, за бессмысленную утрату возможностей, и это чувство вины ведет к отчаянию и полному осуждению себя самого.

Человек заброшен в мир, который он не выбирал, он обладает набором возможностей, который также не зависит от него. Таким образом, человек случайно вовлечен в круг событий, которые определяют каждое мгновение его жизни. Он обладает лишь решимостью реализовать именно эту конкретную возможность, а не другую, но ее наличие не зависит от него. Это не значит, что причинно-следственных связей нет. Они существуют, но они не необходимы, а случайны. Судьба – это царство случайности и тревога перед ней основана на осознании случайности собственного бытия и отсутствия необходимости. Не детерминированный характер судьбы, как считали древние греки, а ее случайность тревожит человека. В силу этого смерть, которая скрывается за судьбой и также является случайной, есть источник угрозы онтическому существованию человека. Судьба не могла бы быть источником неотвратимой тревоги, если бы за ней не скрывалась смерть. Судьба актуализируется в каждый момент жизни человека, угрожая ему небытием. И человек понимает, что такую тревогу вызывают не объекты, таящие в себе угрозу, а человеческая ситуация как таковая.

Каждый тип тревоги имманентно присутствует в тревогах других типов. Например, христиан-

ство связывает тревогу вины с тревогой смерти: «Жало смерти – грех» (1 Кор 15:56), т.е. угроза судьбы и смерти укрепляют тревогу вины. Если же духовные ориентиры утратили силу, то нравственное самоутверждение помогает человеку вновь обрести смысл существования, спасти от пустоты простым призывом к долгу. А экзистенциальное сомнение в силах уничтожить посредством скептицизма и духовное, и нравственное самоутверждение человека. Бытие человека всегда есть бытие в сфере смыслов. Человек есть человек лишь потому, что он обладает способностью формировать и понимать реальность – собственное Я и окружающий себя мир в их связи со смыслами и ценностями. Следовательно, угроза духовному бытию человека – это угроза всей полноте бытия человека. Это выражается в предпочтении человека отказать от онтического существования, лишь бы не испытывать всепоглощающую тревогу перед пустотой и отсутствием смысла.

Но только тревога онтической смерти есть тревога, «перед чем» которой обязательно и непременно осуществиться. Человек может прожить жизнь, не потеряв ее смысла и своих нравственных ценностей, но его жизнь все равно завершится смертью. И так тревога перед ничто обретает свой конкретный объект и становится страхом смерти.

Человек боится за собственное бытие⁹, испытывает страх смерти. Но смерть – это его единственная возможность, которая осуществится. По мысли М. Хайдеггера, жизнь человека – это длящееся умирание. Смерть неотвратима и неизбежна, она есть завершение бытия. Но отношение человека к смерти коренным образом меняет само бытие.

«Смерти вообще не бывает»¹⁰, она всегда есть чья-то смерть, как и бытие всегда чье-то. Человек, который прячется в толпе от отсутствия смысла существования и возможности его искать, прячется за спиной толпы и от смерти. В толпе смерти нет, толпа всегда существует, а умирает всегда кто-то, но не я. Так человек перестает испытывать страх смерти, потому что толпа учит относиться к ней спокойно, то есть совсем не относиться. Но это спокойствие не отдаляет смерть, не делает ее незначимой. Она всегда значима для человека и его бытия, она всегда его смерть. Поэтому толпа и может закрыть глаза на смерть конкретного человека, ведь это всего лишь один человек, а все остальные живы. И действительно, перед лицом смерти человек остается один. «Смерть – это предельная и достоверная, хотя и неопределяемая возможность, в которой вот-бытие предстоит себе самому»¹¹.

Однако страх смерти человек может пережить и без толпы. По мысли М. Хайдеггера, осознание неизбежности собственной смерти открывает перед человеком возможность подлинного бытия. И смерть уже не страшна, человек спокоен перед ее лицом, но это спокойствие не ее отрицания, а спокойствие ее неотвратимости. И так человек об-

ращает свой взор уже не на страх смерти, а на само бытие. Это дает возможность и силы на борьбу с тревогой отсутствия смысла и ценностей в жизни. П. Тиллих же называет такое отношение человека к страху смерти мужеством быть: «мужество – это самоутверждение “вопреки”, а именно вопреки тому, что пытается помешать Я утвердить самое себя»¹². Не испытав страха смерти, человек не может обрести мужество быть, которое дает ему силы на самоутверждение и создание смыслов и ценностей, которые наполняют его бытие.

Понимание страха смерти как необходимого для осознания человеком подлинного смысла его бытия мы также находим в экзистенциальной интерпретации гегелевской мысли в философии А. Кожева. Человек противостоит природе, создавая искусственную природу, культуру, но для этого он должен обладать самосознанием. Появление Самосознания Гегель рассматривает в диалектике раба и господина: «Самосознание есть в себе и для себя потому и благодаря тому, что оно есть в себе и для себя для некоторого другого [самосознания], т.е. оно есть только как нечто признанное»¹³. Таким образом, необходима Борьба между двумя субъектами, в ходе которой один станет Самосознанием, а другой – средством для достижения этого Самосознания первым. Самосознания «подтверждают самих себя и друг друга в борьбе не на жизнь, а на смерть»¹⁴. Признание обретается под страхом смерти, только тот, кто рискует жизнью, признается другими и становится свободным. Оба Самосознания, рискуя жизнью, выражают свое призрение к ней, но жизнь необходима, так как в смерти нет признания, смерть обоих противников вообще бессмысленна, она ни к чему не ведет и ничего не утверждает. Признание может осуществиться лишь в жизни. Когда из двух противостоящих Самосознаний одно умирает, второе остается победителем. Но признание, за которое оно боролось, погибло вместе с побежденным Самосознанием. Значит, победитель никем не признан. И борьба вновь была бессмысленной. Жизнь обоих противников после окончания Борьбы является обязательным условием для осуществления признания одним другого.

Но одно Самосознание имеет право отказаться от противостояния, испытав страх перед смертью. Оно может сохранить себе жизнь, вообще не рискуя ею, а сразу признав себя побежденным. В интерпретации Кожева человек, отказавшийся от борьбы, испугавшись смерти, теряет возможность стать Человеком. Таковым может стать лишь тот, кто рисковал жизнью ради победы. Такой человек осознает свою конечность, но фактически идет на самоубийство. Таким образом, жизнь человека является отсрочкой от смерти. Но лишь тот, кто это осознает, может жить. Человека делает Человеком сознание его собственной конечности и принятие ее как данности. «Смерть – удел человеческой конечности; таким образом, смерть есть высшее доказательство человеческой природы,

абсолютной конечности»¹⁵. Понимание себя как конечного сущего, а раз конечного, то значит, подверженного влиянию времени, выделяет человека из мира природы.

Само понимание времени дает человеку возможность влиять на окружающую действительность, противостоять природе и создавать историю как историю культуры, того, что искусственно и чему в природе нет аналогов. История в мире людей является историей смертей и, в первую очередь, смертей ее творцов. Об истории можно говорить лишь там, где есть историческая память, которая предполагает череду сменяющих друг друга поколений. Но это всегда прошлое, то, что уже не существует, кроме как в воспоминании (в понятии), то, что умерло в действительности (в существовании). «Воспитывая ребенка, родители готовы свою собственную человеческую, или историческую, смерть, по своей воле переходят из настоящего в прошлое. Обучая ребенка, родители вкладывают в него свое уже ставшее сознание и тем порождают свою смерть»¹⁶.

Противостояние человека природе, его действия, направленные на изменения чего-либо, его достижения и изменения его самого фиксируются в истории, а он сам, как часть биологического мира, умирает, полностью осознавая свою смерть. Значит, время действует только там, где его считают, где оно воспринимается только настоящим и будущим. Человек, осознавая свою природную биологическую конечность, создает для себя искусственную вечность, которая измеряется временем, но только прошлым, и является историей смерти своего творца. История – всегда только прошлое, время, которое уже не считают. «Человеческая реальность, таким образом, оказывается в конечном счете «действительностью смерти»: Человек не просто смертен, он есть воплощенная смерть, он *есть* своя собственная смерть»¹⁷. В природном мире смерть не заметна, потому что природа – это статичное налично-данное бытие, оно неизменно даже после чьей-либо смерти, а человек является отрицанием природы, действием, направленным против. В природе смерть человека проходит незамеченной, так как человек в природе умирает как природное сущее. И только смерть творца замечается всегда и фиксируется в истории, и человек осознает именно эту смерть и принимает ее, создавая культуру и историю. Он рискует жизнью, чтобы умереть как творец.

Человек как конечное сущее полного Самосознания достигает, лишь осознав себя именно конечным сущим. Значит, только зная себя смертным, человек может достичь полного удовлетворения. Только мысль о собственной смерти способна удовлетворить гордость человека, так как именно гордость жаждет удовлетворения, признания в другом. Желание признания, присутствующее в гордости, состоит в том, чтобы видеть себя признанной свободной личностью в другой личности. Но только сознание своей смертности,

знание того, «что он живет в мире без того света и без Бога»¹⁸, дает человеку возможность быть свободной личностью.

Итак, определяя страх как одну из важнейших характеристик человеческого бытия, философы именно в нем находят основу, на которой человек строит свое подлинное бытие и творит историю.

Страх смерти есть экзистенциальный страх, он всегда присущ бытию человека. Но его присутствие необходимо и носит далеко не отрицательный характер. Переживая страх смерти, человек впервые видит и переживает и собственное бытие, осознает сущность подлинного существования. Борьба с этим страхом дает человеку мужество быть. Мужество быть есть та сила, которая дает человеку возможность творить историю и культуру. Это мужество берет на себя ответственность за жизнь человека, за тот след, который он оставил в культуре и истории, за саму историю. Страх смерти движет человеком, его бытием, которое только в смерти найдет свою завершенность. «Забегание вперед к смерти в каждый момент вот-бытия, – пишет М. Хайдеггер, – означает возвращение вот-бытия из “некто” в смысле выбора самого себя. Лишь умирая, я могу абсолютно утвердительно сказать: “Я есмь”»¹⁹.

Примечания

- 1 *Бонхеффер Д.* Сопротивление и покорность // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 113.
- 2 *Тиллих П.* Избранное: теология культуры. М., 1995. С. 236.
- 3 Там же. С. 30.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С. 33.
- 6 Там же. С. 38.
- 7 Там же.
- 8 Там же. С. 40.
- 9 Мы говорим о тревоге человека за свое онтическое существование, но оно вообще может быть возможным только как бытие. С утратой бытия никакого онтического существования для человека не может быть. Поэтому тревога за онтическое существование есть тревога перед утратой бытия.
- 10 *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. С. 330.
- 11 Там же.
- 12 *Тиллих П.* Избранное: теология культуры. С. 27.
- 13 *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. СПб., 1999. С. 99.
- 14 Там же. С. 101–102.
- 15 *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии религии // Философия религии: В 2 т. М., 1977. Т. 2. С. 288.
- 16 *Кожев А.* Идея смерти в философии Гегеля // Введение в чтение Гегеля. СПб., 2003. С. 695.
- 17 *Кожев А.* Указ. соч. С. 708.
- 18 Там же. С. 686.
- 19 *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени. С. 335.